

Розов

1/III-82

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

1 ИЮЛЯ 1987 г. № 27 (5145)

Виктор РОЗОВ

ЛИЦО И ЛИЦУ

Рассказ о незначительной актрисе

У НЕЕ не было семьи, но одинокой себя не чувствовала. Общительная и любознательная. Часто бывала у близких — то у сестры, то у племянниц, то у подруг. В том числе у нас. Шутка ли! Проработала с моей женой вместе не одно десятилетие. Она приходила, и становилось солнечнее. Щебетала, щебетала... Честно признаюсь, частенько под этот щебет я засыпал. И она не сердилась.

— Я вижу, ты устал. Ложись. Буду тебе рассказывать, быстро и уснешь, — совершенно искренне говорила она.

Придет, переговорит со всеми — с Надей, главной ее подружкой, с нашими детьми, с бабушкой, с Ксенией Петровной, помощницей по суетному нашему дому, и, конечно же, с крохотной моей внучкой. И всем с ней интересно. Особенно залихватисто хохотала на любую выходку внучки. Детей любила. И о своих внуках, пусть не родных, рассказывала без умолку. В свои семьдесят пять лет (сколько ей лет, мы узнали только в дни ее похорон) она еще делала большой батман и очень этим гордилась.

— Витя, — говорила она мне, — смотри, я еще как могу! — И вытянутая ее ножка взлетала выше головы.

— Сколько же тебе лет, Зинаида?

даже тогда, когда совершались серьезные ошибки. Тут-то и возникали наши жаркие споры. Мои холодные доводы разбивались о стену ее веры.

...Шли годы. От ролей бойких девушек, таких, например, как Тамара в пьесе Л. А. Малюгина «Старые друзья», сыгранная ею отменно, Зиночка переходила на взрослые роли... потом, увы, на роли бабушек, чаще во втором составе. И, конечно же, ей всегда казалось, что она играет не хуже, чем первая исполнительница, а возможно, и лучше.

— Режиссер подошел ко мне, поблагодарил и сказал, что я ничуть не хуже основной исполнительницы, — гордились она с искренней радостью и гордостью.

Я думаю, режиссерам и стоит так поступать: нетрудно подарить человеку радость и прибавить сил.

Рубеж пенсионного возраста был пройден давно, но о нем не упоминалось даже вскользь. И действительно, живость, бойкость, подвижность, темперамент были совершенно допенсионного возраста. Но... ах, это окаянноеращение Земли вокруг собственной оси! Солнца! Не помню уж, в какой день Зиночка, стараясь не быть взволнованной, произнесла:

— У нас в театре ходят какие-то глупые слухи, будто нужно набрать моло-

пятiletия подала заявление об увольнении из театра и ушла в полном творческом блеске, как когда-то уходили великие деятели всего мирового театра, давая прощальный спектакль, уходили, когда только-только начинало смеркаться, а не в полных потемках. Зиночка отбивалась, страдая. Надя ругала меня, кричала: «Оставь Зину в покое, оставь!» Дружба наша от этих трудных споров не нарушалась. Шли дни, недели...

— Знаете, что мне сказал сегодня Андреев? Зинаида Михайловна, мы оставляем за вами все ваши роли, и я клянусь, буду и дальше занимать вас в новых спектаклях. Пойдите нам навстречу: нам необходимо принять молодых». Я рассчитала, что к пенсии буду подрабатывать даже больше, чем получаю сейчас. Конечно, есть «потолок», но и при «потолке» я буду получать даже чуть больше своей зарплаты.

О, эти необъяснимые «потолки», лимитирующие человеческую деятельность!

Вопрос о пенсии обсуждался у нас уже неоднократно, и, конечно же, я при всем своем максимализме никогда и никому не пожелал бы пониженного скромного актерского жизненного уровня. Это ведь только обыватель думает, актеры зарабатывают «агромандные» деньги. Не знают, что заработок многочисленной рати тружеников сцены куда ниже заработка водителя автобуса или троллейбуса — от 100 до 180 рублей. Я сказал:

— Зинуля, соглашайся!

— А если обманет?

Вопрос тоже был житейский. Сколько я знал случаев: «Мы вам поможем, мы вас не оставим...» А глядишь, через пару месяцев — Митькой звали!

Словом, поколебавшись еще недолго, Зинаида Михайловна Захарова, актриса Театра имени М. Н. Ермоловой, подала заявление. И Владимир Алексеевич Андреев не обманул, честь ему и хвала! Все роли остались за Зиной, и она по-прежнему, полная огня и жизни, спешила играть вечерние спектакли, утренники, выездные.

Андреев перешел работать в Малый театр. Новый главный режиссер, новый порядок, новая атмосфера. Очень это напугало нашу подружку.

— Вдруг я не понравлюсь Фокину? Он возьмет и снимет меня со всех ролей. Сейчас он вызывает актеров для личной беседы с каждым. Я боюсь.

Увы, увы, и это опасение подкреплялось судьбами многих актеров. Проклятое «видит» тебя режиссер или «не видит»? Дамоклов меч, висящий над головой любого актера.

И через несколько дней звонок в дверь. Влетает сияющая Зиночка:

— Надя, Витя, со мной разговаривал Фокин! Я ему понравилась! Он такой интеллигентный, такой интеллигентный!..

Монолог продолжался довольно долго. И мы все были счастливы ее счастьем. А вскоре — о, радость! — Зинаида Михайловна получила новую большую роль в трогательной и веселой пьесе Лобозерова «По соседству мы живем». Сколько было волнений, трепета! Я смотрел этот славный спектакль. Зина играла бабушку. Играла, как и всегда, хорошо.

Успех был явный. Пожалуй, такого яркого признания Зиночка давно не имела. Спектакль набирал силу. И вдруг...

Поздний вечерний телефонный звонок. Встревоженный голос Зины:

— Надя, я в больнице. Мне сделалось плохо, непонятной болью охватило поясницу. Я вызвала «Скорую». Звоню из 31-й больницы. Приди завтра.

Она пролежала в больнице всего шесть дней. И одна из ее предсмертных фраз, сказанная слабым голосом, но гордо:

— Все-таки я эффектно ухожу... —

И ушла.

Панихида состоялась в фойе театра. В этот день у театра был выходной, и мы беспокоились, придут ли актеры. И зря. Непрерывным ручейком текли попрощаться со своим товарищем соратники и старшего поколения, и среднего, и молодого, и те, кто когда-то ушел из этого театра, но знали Зинаиду Михайловну. У всех букеты и букетики. Идут на гроб и вокруг гроба. Идут и идут. Вся труппа в сборе! Стоят молча с любовью в душе и ушедшему товарищу. Хорошие все-таки люди — актеры!

Воспоминания пишут о знаменитых людях. А почему не написать о просто хорошем человеке, об актрисе с головы до ног, пусть и не на больших ролях.

— Сколько есть, все мои, — бойко парировала она. — Да, забыла! Я тебе принесла карамель. Изумительная! Попробуй. — Она раскрывала свою сумочку и высыпала на стол карамельки.

Я клал в рот конфетку и, не успев ее раскусить, слышал:

— Правда вкусно, правда?

И карамелька действительно всегда бывала отменной.

Она была актриса, и театр был главным смыслом ее жизни. Принадлежала к той категории людей этого племени, которые влюблены в свою профессию страстно и, можно сказать, бескорыстно. К ней подходило знаменитое требование Станиславского — любить искусство больше, чем себя в искусстве. Переживала неудачи театра глубоко, будто свои собственные, ликовала при успехах и старших, и молодых, хотя личная ее творческая жизнь была скромной. И что поразительно — была счастлива своей судьбой. К сожалению, последнее время я замечаю, что многие не любят свою судьбу, а завистливо поглядывают на чужую и кипят весьма крутым кипятком. В маленькие роли, которые ей доставались, она вкладывала всю свою кипучую энергию. Увы, увы, такое в театре становится почти редкостью. Как много недовольных, жаждущих немедленного успеха, готовых вырвать его из чужих рук. Будто и не существует теперь такого звания — актер на эпизодические роли. А ведь бывали и даже получали за исполнение своих небольших, но блестяще сыгранных ролей высокие звания и награды. Желание поимать заветную Синюю птицу, бесспорно, естественное желание, но ловить ее нужно чистыми руками. И если почему-то она не дается в руки, неужели же надо жить только в нервном напряжении, в зависти, в негодовании? А жизнь идет!

Именно этими качествами — умением быть счастливой и приветливой при скромном творческом и материальном положении — любовался я в Зиночке.

Мы были знакомы и дружили более сорока лет. Иногда спорили горячо. Ее влюбленность в жизнь переносилась на все ее сферы. Наш социалистический строй всегда казался ей совершенным,

дых, штатных мест нет, и кого-то должны вывести на пенсию.

Она поднесла чашку ко рту, и я заметил: чашка слегка дрожала. Мы наперебой стали уверять, что ее это не касается. Разговор шел успокоительный, но горячий.

— В конце концов местком не даст никого уволить. Есть закон, верно?

— Не даст, не даст, — подхватывали мы.

Зиночка, пошутив, поругав молодежь, похвалив всех актеров старшего поколения, вспомнила Книппер-Чехову, Рыжову, Блюменталь-Тамарину и, конечно же, Александру Александровну Яблочкину, которая в девяносто с лишним лет сыграла учительницу Горлицу в пьесе Корнейчука «Крылья».

— И ведь как сыграла, как! А мне, слава богу, не девяносто. — И, опустив, сколько именно, продолжала называть имена.

Я, скептик, заметил, что видел Александру Александровну Яблочкину в этой роли, рассказал, как при ее появлении на сцене зал встал...

— Вот видишь, видишь! — победно перебила меня Зиночка.

— Знаешь, Зинуля, мне кажется, зал встал от удивления: «Смотрите, смотрите, — как бы говорили люди, — ей девяносто шесть, а она идет».

Моя ехидная реплика ничуть не охладила Зину. Она только засмеялась и сказала:

— Ну тебя!

Из театра, конечно, никого не уволили, но от этого проблема не перестала тучей висеть в воздухе и зреть.

— Знаете, — сказала однажды с некоторой долей растерянности Зиночка, — меня вызвал Андреев и, правда, очень деликатно, спросил, не подам ли я сама заявление о выходе на пенсию. Я растерялась. Не сказала резко: нет — все-таки он главный режиссер, — а ответила: «Хорошо, я подумаю».

И снова, снова, в который уже раз разговор шел на эту болезненную тему. Я стал грубее, жестче, доказывал, что надо же в конце концов дать дорогу молодым. Привел в пример рыцарский поступок Ларисы Орданской, которая ровно в день своего пятидесяти-